

На правах рукописи

ПОРУНЦОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР МАЛОЙ ПРОЗЫ НЕМЕЦКОГО
ЭКСПРЕССИОНИЗМА 1910-Х ГГ.:
ГЕОРГ ГЕЙМ, АЛЬФРЕД ДЁБЛИН, ГОТФРИД БЕНН**

Специальность: 10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(немецкая литература)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Иваново – 2016

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО
«Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Жеребин Алексей Иосифович

Официальные оппоненты: **Пестова Наталья Васильевна**
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», директор института иностранных языков, заведующая кафедрой немецкой филологии

Зусман Валерий Григорьевич
доктор филологических наук, профессор
НИУ «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде, директор филиала, заведующий кафедрой прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится 29 сентября 2016 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.062.04 при ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет» по адресу: 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 37, ауд. 403.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»:
http://ivanovo.ac.ru/index.php?option=com_k2&view=item&layout=item&id=160

Автореферат диссертации разослан « ___ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, проф.

Е. М. Тюленева

Общая характеристика работы

Экспрессионизм как одно из центральных направлений в европейском искусстве первой четверти XX века является разнородным, многогранным и противоречивым феноменом. Немецкий литературный экспрессионизм разнообразен в родовом и жанровом отношении. Несмотря на то, что проза занимает относительно скромное место в литературном экспрессионизме по сравнению с лирикой и драмой, она представлена именами талантливых писателей (Альфред Дёблин, Готфрид Бенн, Георг Гейм, Казимир Эдшмид, Пауль Цех, Иоганнес Бехер, Карл Штернхейм, Эрнст Вайс, Франц Юнг и другие) и является интереснейшим явлением, обладающим своей спецификой.

В прозе экспрессионисты могли добиться того, чего не могли добиться в лирике. Эмоциональное, субъективное начало в лирике сменяется в прозе с одной стороны сосредоточенностью и рефлексивностью, с другой стороны антипсихологическим принципом изображения, а также особым характером отношений субъекта и объекта. В определённой степени продолжая традицию романтического монизма, произведения экспрессионистов, и в частности проза А. Дёблина, Г. Гейма, Г. Бенна, вводят в область субъектно-объектных отношений проблему телесности, затрагивая тему конфликтного взаимоотношения человеческого сознания и тела.

Актуальность исследования определяется необходимостью детального изучения малой прозы немецкого экспрессионизма как одного из важнейших, но малоисследованных по сравнению с поэзией явлений в истории европейского авангарда. Обращение к субъектной сфере избранных для анализа текстов, концептуализация их содержания в свете дихотомии субъекта и объекта отвечает повышенному вниманию современной теории и истории культуры к проблеме персональной идентичности и деконструкции бинарных отношений.

Степень разработанности проблемы. В нашей стране период с 1917 по 1925 годы был отмечен кратким, но интенсивным интересом к экспрессионистской культуре. Затем долгое время, начиная с конца двадцатых годов и вплоть

до шестидесятых годов XX века, экспрессионизм в нашей стране не изучался. В период с конца 1940-х до середины 1950-х годов был защищён ряд кандидатских диссертаций, в основном посвящённых творчеству И. Бехера и социальной драме экспрессионизма.

60-е годы отмечены увеличением интереса к изучению экспрессионизма. Н.С. Павлова начинает серьёзное изучение литературного экспрессионизма. После выхода её работ 60-х годов (одна из значительных «Творчество Эриха Мюзама», 1965) в отечественном литературоведении стал заметен рост исследовательской активности. Среди исследователей в 60-80-е годы необходимо отметить Н. Павлову, Л. Копелева, Б. Михайловского, А. Дранова, И. Куликову, Т. Семёнову, Н. Ковригину, Л. Швецову. Последние двадцать лет исследования по экспрессионизму появляются регулярно. На сегодняшний день важнейшим достижением в области зарубежного литературоведения являются работы Н.В. Пестовой, крупного отечественного экспрессионистоведа. Также вклад в изучение экспрессионизма (на общем фоне европейского авангарда) сделали такие исследователи, как А. Гугнин, П. Топер, Н. Сироткин, В. Седельник и другие. Регулярно защищаются кандидатские диссертации, посвящённые литературному экспрессионизму (работы О. Мартыновой, Е. Микриной, Е. Ивойловой-Кифер, Н. Бондаревой, Е. Сакулиной, А. Горожанова).

Немецкая экспрессионистская проза почти незнакома отечественному читателю. Большим событием явилось появление в 2008 году книги «Двойная жизнь», в которой собраны проза, эссе и избранные стихи Готфрида Бенна. Знаменательным был апрельский выпуск журнала «Иностранная литература» от 2011 года, полностью посвящённый экспрессионизму. В нём собраны переводы стихотворений, прозы, критических заметок ярчайших представителей немецкого экспрессионизма. В 2011 году вышел перевод романа А. Дёблина «Горы, моря и гиганты», являющийся уже четвёртым после переводов романов «Берлин, Александрплац», «Гамлет, или долгая ночь подходит к концу» и «Три прыжка Ван Луня». В остальных произведениях малой прозы выборочно переводились для сборников зарубежной прозы, к примеру, сборника «Искусство и

художник». Хотя в 20-е годы осуществлялись переводы прозы некоторых писателей (к примеру, новелл К. Эдшмида, сборника рассказов Л. Франка «Человек добр» (перевод 1923) и его романов), в остальном необходимо признать, что из богатого наследия экспрессионистской прозы на русский язык переведена лишь малая часть.

За рубежом изучение экспрессионизма представляет собой цельную картину. Уже со второй половины 1910-х годов XX века экспрессионизм начинает привлекать исследователей в самой Германии, а с 20-х годов его активно начинают изучать в Англии, Франции, Италии. Самыми значимыми можно считать ставшие уже хрестоматийными работы 1960-70-х гг.: В. Роте, К. Эйкмана, Ф. Мартини, В. Зокеля, А. Арнольда ; работы периода 1980 – начала 2000-х гг.: Т. Анца, В. Круля, С. Вьетты, Х.-Г. Кемпера и некоторых других. Эти труды сформировали классические понятийные и концептуальные основы для подхода к литературному экспрессионизму. Новейшие исследования характеризуются углублением в творческие системы конкретных писателей, частично в большей или меньшей степени затрагивая проблему телесности. Так, необходимо отметить труды Т. Доктора, Т. Ганна, А. Кек, Д. Фос, О. Кляйн, У. Дронске, А. Нишиока, С. Киора, Н. Донахью, Х. Теварсон, К. Лидерер, В. Зульцгрубера, В. Фендерса.

Тело как культурный феномен оказывается в фокусе внимания отечественной науки о литературе со времён выхода работы М.М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Что касается европейского литературоведения, то уже хрестоматийными стали разборы Ж. Старобинским текстов Руссо, Монтеня, Флобера, в особенности анализ телесного языка в «Госпоже Бовари» Г. Флобера. Последние 20 лет выходит много работ о телесности в литературе (С. Зенкин, А. Аствацатуров, А. Уракова, Д. Иоффе, М. Золотоносов, Б. Ямпольский, В. Подорога, В. Савчук). Защищаются кандидатские диссертации: «Категория телесности в акмеистическом дискурсе» (2009), «Художественный мир новелл С.Д. Кржижановского: человек, пространство, коммуникация» (2009), «Тело и телесность в немецком роман-

тизме. Концепции и образы» (2012). При этом, однако, тема телесности в прозаических произведениях немецких экспрессионистов до настоящего времени не получала должного внимания отечественных исследователей.

Объектом исследования является поэтика экспрессионистской малой прозы на примере произведений Г. Гейма, А. Дёблина и Г. Бенна.

Предметом исследования являются субъектно-объектные отношения, представленные в художественном мире произведений.

Материалом исследования являются стилеобразующие произведения эпохи раннего экспрессионизма: «Убийство одуванчика» («Die Ermordung einer Butterblume», 1910¹), «Танцовщица и тело» («Die Tänzerin und der Leib», 1910) А. Дёблина, «Безумец» («Der Irre», 1913), «Джонатан» («Jonathan», «1913») Г. Гейма, «Мозги» («Gehirne», 1916) Г. Бенна. Вместе с тем, к анализу привлекается в качестве фона и сопоставительного материала широкий круг произведений других авторов-экспрессионистов – К. Эйнштейна, А. Лихтенштейна, А. Эренштейна, Ф. Юнга, К. Эдшмида, П. Цеха, О. Баума, Якоба ван Годдиса, И. Бехера, Э. Вайса, Л. Мауднера, Ф. Верфеля. Р. Вальзера и других.

Цель диссертации заключается в выявлении специфики соотношения субъекта и объекта, лежащего в основе художественного миростроительства произведений. Для осуществления этой цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- охарактеризовать культурные, философские, эстетические аспекты проблемы соотношения субъекта и объекта;
- выявить содержание термина «телесность» и принципа «ориентации на сознание» применительно к экспрессионистскому дискурсу;
- последовательно проанализировать произведения (изучить композицию произведений, исследовать систему персонажей, выделить в каждой отдельной художественной системе ключевые художественные образы, символику и смыслообразующие категории);
- выяснить общие закономерности построения поэтики произведений.

¹ Здесь и далее в списке приводится год первой публикации.

Теоретической и методологической основой настоящей работы является принцип единства художественного произведения (стилистического, тематического, жанрового, идеологического), как и корпуса однородных произведений, которое обеспечивается соотнесённостью всех его структурных пластов, обуславливает возможность «идеологического полилога» (Лотман) и раскрывается в ходе интердискурсивного взаимодействия поэтики и философии. Автор работы опирался на исследования отечественных и западноевропейских ученых в области теоретической и исторической поэтики, в частности, структуры текста и нарратологии (Ю. Лотман, Б. Успенский, В. Шмид, Ж. Женетт, П. Рикёр), жанра и стиля (М. Бахтин, Ц. Тодоров, Н. Тamarченко, С. Бройтман, В. Тюпа, Ю. Тынянов, В. Шкловский, И. Смирнов, А.В. Михайлов, Е. Фарино, И. Силантьев, Р. Якобсон, Л. Гинзбург, Е. Эткинд). Особо следует подчеркнуть значение для данной работы эстетической категории «внутренний мир произведения», выдвинутой Д.С. Лихачевым, и связанных с этой категорией понятий (художественное время, пространство, событие, ситуация и конфликт, сюжет и мотив). Обращение к анализу художественной функции телесности в экспрессионистской прозе повлекло за собой необходимость изучения широкого круга работ по философии и истории тела (Ф. Ницше, Ж. Батай, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Ж. Деррида, К.-Л. Стросс, Э. Левинас, М. Фуко, К.Л.Х. Ниббриг, Д. Кампер, М. Эпштейн, Г. Тульчинский, Ж. Вигарелло, Д. Араасс, Ж. Желис и другие), художественной функции телесности (Р. Барт, Ж. Старобинский, С. Зенкин, В. Подорога, М. Ямпольский, М. Энафф, А. Аствацатуров, В. Савчук, А. Уракова, Д.Иоффе, М. Золотонос и другие), феноменологии (Ж.-П. Сартр, М. Мерло-Понти, Э. Гуссерль, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Э. Кассирер и другие), психоанализу и психологии творчества (З. Фрейд, М. Кляйн, Ж. Лакан, Дж. Франкл, Э. Фромм, Г. Маркузе, Л. Выготский, В. Белянин, С. Есин, М. Мамардашвили и другие).

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Художественный мир малых прозаических произведений немецкого экспрессионизма строится на основе выдвижения на первый план значения че-

ловеческого тела и сознания, их сложных смысловых соотношений. Тело в экспрессионистских текстах Альфреда Дёблина, Георга Гейма, Готфрида Бенна семиотизируется, художественно осмысляется. В ходе этого осмысления раскрывается конфликт между сознанием и телом, между внутренним и внешним событиями, которым соответствует психофизическая реальность персонажа и характер вписанности человека в мир.

2. Сюжетный конфликт исследуемых текстов отличается предельной заостренностью и динамикой. Лежащее в его основе отклонение от нормы находит себе выражение в формах крайнего телесного и психического напряжения, характеризующего поступки и речевое поведение персонажей.

3. Авторы экспрессионистской прозы концептуализируют образ человека, опираясь на ряд смыслообразующих антропологических категорий, функционирующих в качестве ключевых сюжетных мотивов. Таковы категории телесности и сознания, безумия и экстаза, витальности и воли к смерти, психического и эротического возбуждения.

4. Все элементы художественного мира экспрессионистской новеллы подчинены задаче изображения психического события. В центре внимания ее авторов – аффектированное сознание персонажа, которое изображается путем развертывания в диегезисе психического и телесного аффекта, испытанного героем в «до-истории».

5. Дихотомия субъекта и объекта в экспрессионистской прозе релятивизируется, происходит взаимоперетекание внутреннего во внешнее, которое раскрывается в процессе реконструкции психического события.

Научная новизна работы заключается в модернизации подхода к анализу экспрессионистской прозы на основе категориального аппарата, который активно разрабатывался в поэтике культуры последних десятилетий, на фоне таких понятий, как «телесность», «отчуждение», «кризис субъекта», «логоцентризм», «своё и чужое», «новое видение», «событие рассказывания», «внутренняя и внешняя речь».

Теоретическая значимость исследования связана с выявлением функциональной специфики категорий телесности в художественных текстах. Реализована пошаговая стратегия анализа, благодаря которой систематизированы смыслообразующие элементы в поэтике малой прозы немецкого экспрессионизма. Терминологический аппарат, выработанный в процессе анализа, может быть применён при обращении к иным текстам западноевропейского и русского литературного авангарда. Применённая исследовательская стратегия позволила по-новому взглянуть на природу творчества немецких экспрессионистов и объяснить специфику реализации в текстах философских и культурологических категорий, определив их значение и художественную функцию.

Научно-практическая значимость результатов исследования предполагает возможность их для дальнейшего использования для дальнейшего изучения творчества немецких экспрессионистов, преподавания общих курсов истории и теории литературы, спецкурсов по западноевропейскому авангарду, по немецкой литературе XX века, при составлении учебных пособий.

Диссертация **соответствует содержанию паспорта специальности 10.01.03 – «Литература народов стран зарубежья (немецкая литература)»**, в частности следующим его пунктам: п. 3 – Проблемы историко-культурного контекста, социально-психологической обусловленности возникновения выдающихся художественных произведений; п. 4 – История и типология литературных направлений, видов художественного сознания, жанров, стилей, устойчивых образов прозы, поэзии, драмы и публицистики, находящих выражение в творчестве отдельных представителей и писательских групп; п. 5 – Уникальность и самоценность художественной индивидуальности ведущих мастеров зарубежной литературы прошлого и современности; особенности поэтики их произведений, творческой эволюции; п. 7 – Зарубежный литературный процесс в оценке иноязычного и отечественного литературоведения и критики.

Апробация работы. Результаты работы обсуждались на заседаниях кафедры зарубежной литературы РГПУ им. А.И. Герцена в 2008-2011 гг. и на аспирантском семинаре (март 2010 г.). Основные положения диссертации были

представлены в виде докладов на межвузовских, всероссийских и международных научных конференциях: «Зарубежная детская литература: поэтика и история» (СПб., 2009); «XXII Пуришевские чтения. История идей в жанровой истории» (М., 2010); «XIII международная научная конференция “Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики”» (Гродно, 2010); «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков» (СПб., 2011); «Межлитературные связи: Общее и особенное» (СПб., 2011); «Зарубежная литература в университетском образовании» (СПб., 2012). По результатам исследования опубликовано 10 статей.

Объём и структура диссертации. Диссертационное исследование изложено на 232 страницах и состоит из введения, четырёх глав, заключения, библиографического списка, который содержит 540 наименований.

Содержание работы

Во **Введении** обосновывается выбор темы диссертации и ее актуальность, характеризуется степень изученности проблемы, определяются цели и задачи исследования, его объект, предмет, материал и методологическая база, формулируются положения, выносимые на защиту, описывается структура диссертации.

Первая глава «Проблема субъекта и объекта в экспрессионизме» состоит из трёх параграфов. В **первом параграфе «Категория телесности»** обосновывается правомерность обращения к понятиям субъекта, объекта, телесности, а также рассматривается философско-исторический контекст, в котором формируется опыт переживания телесности.

Важность понятий субъект и объект вытекает уже из характера центрального для экспрессионизма художественного концепта чужести. У экспрессионистов эти понятия связаны с семиотическим расширением, смысловым обогащением образа человеческого тела. Интерес к телесности организует поэтику

многих художественных произведений экспрессионизма. В творческой системе каждого отдельного писателя тема человеческого тела приобретает индивидуальный, неповторимый характер.

Обращение к телесности в искусстве экспрессионизма исторически обосновано. Современная наука о человеке отмечает, что культура XX века является телесно ориентированной. Искусство начала XX века развивалось на фоне неклассического философского понимания субъекта. Во второй половине XIX века произошло решительное отмежевание от основной классической традиции, характеризующееся введением в философскую проблематику таких феноменов, как смерть, аффект, перверсия, ужас, бессознательное и, в первую очередь, тело (Кьеркегор, Ницше, Фрейд). Этот процесс разрушил идеал самодостаточного и самоопределяющегося субъекта, обнаружив сегментарность человеческого сознания и обнажив такие участки этого сознания, которые не поддаются рефлексии. Устремления экспрессионистов в сторону соотношения сознания и тела также во многом были инспирированы открытиями психоанализа.

Хотя само понятие «телесность» является понятием уже постнеклассической философии и связывается преимущественно с именами мыслителей эпохи постмодернизма (Батай, Делёз, Фуко, Мерло-Понти, Деррида, Нанси), применительно к эпохе модерна (как макроэпохе) правомерно говорить о переживании телесности, то есть конкретном историческом и эстетическом факте, который предшествовал периоду теоретического осмысления и концептуального формулирования.

В экспрессионизме изображение переживания телесности базируется на обнаружении зависимости человека от иррациональных сил тела, его хрупкости, незащищённости перед бездной «метафизики» тела. В центре проблемы телесности стоит конфликт между сознанием и телом, между субъектом и объектом. В определённой степени экспрессионисты развивают идею романтического монизма, преодоления дуализма субъект-объект, однако при этом делают акцент на вопросе телесного существования человека, что придаёт теме реляти-

визации границы между субъектом и объектом беспокойную и даже трагическую тональность.

Ввиду этого в литературе экспрессионизма можно отметить две главных тенденции. Одну можно обозначить как спасительно-утопическую, другую как скептически-отрицающе-деструктивную. Иными словами, одни авторы посвящают своё творчество преимущественно темам дисгармонии, отчуждения, негативной множественности субъекта (Эренштейн, Гейм, Лихтенштейн, Тракль, Бенн), а другие авторы делают акцент на преодолении отчуждения и дисгармонии, на активности субъекта, стремящегося к слиянию с объектом (Толлер, Рубинер, Штадлер, Хазенклевер, Штернхейм, Кокошка, Эдшмид, Дёблин, Юнг, Бехер). Под объектом понимается не только вещный и природный мир, но и общество.

Второй параграф «К историко-литературной характеристике экспрессионизма» посвящён краткому раскрытию историко-литературного контекста, в котором разворачивается проблема субъектно-объектных отношений. Особенности поэтики немецкого экспрессионизма вытекают из осмысления экспрессионистами отношений между человеком и миром, человеком и обществом, человеком и природой. В этом случае понятия «субъект» и «объект» теряют свою философскую абстрактность и обретают конкретность, выраженную в литературных образах и сюжетах. Проблема субъектно-объектных отношений имеет два аспекта: личностный и социальный. Для предшествующих экспрессионизму направлений, таких как романтизм, символизм, натурализм в той или иной мере характерно стремление разрушить границу между воспринимающим субъектом и воспринимаемым объектом, иными словами, преодолеть отчуждение человека от мира. Экспрессионизм обнаруживает с ними как сходства, так и различия.

Подобно романтикам, экспрессионисты желают преодолеть социальную действительность, однако, в отличие от позднего романтизма, они не делят её на высшую и низшую, на сферу идеала и низменности. Человек и мир прини-

маются экспрессионистами в своей полноте. Вместо субъективизации объективности они стремятся объективизировать субъективность.

В целом, символистский проект Шарля Бодлера и Артюра Рембо более близок экспрессионистам, чем герметический символизм Стефана Малларме и Стефана Георге. Символистская модель пансубъективности у экспрессионистов находит развитие на уровне профетических и визионерских мотивов, но к экспериментам с сознанием и воображением они добавляют тему телесности, усиливая значение психического аффекта.

С точки зрения экспрессионистов, художественные возможности натуралистов с их интересом к проявлению человеческой телесности ограничены. Это связано с тем, что они, преследуя научный интерес, имея позитивистские установки, дистанцируются от своего предмета, воспринимают его больше в качестве наблюдаемого объекта. Помимо этого они излишне морализируют проблему человеческой телесности. Экспрессионисты позволяют телесности высказываться самой, дают ей право голоса, не объясняют, а изображают её. Тем самым она теряет статус объекта.

В третьем параграфе «Поэтика экспрессионистской прозы (общие признаки)» даётся общая характеристика художественным принципам экспрессионистской прозы. Тема преодоления границы между субъектом и объектом реализуется у экспрессионистов в принципе экстерииоризации сознания, взаимообратимости внутреннего и внешнего. Художественный принцип выражения, лежащий в основе всего экспрессионизма, заключается в процессе овнешнения внутреннего и наоборот. В малой прозе экспрессионизма реализации этого принципа способствует особая манера повествования, которая может быть описана понятиями динамизации, напряжения, аффекта, возбуждения.

Вторая глава «Георг Гейм» несёт практический характер. Цель этой главы, как и двух последующих, заключается в реконструкции субъектно-объектных отношений в смысловой плоскости сознание/тело, то есть раскрытию стратегии выстраивания смыслов сообразно категории телесности.

Первый параграф «Безумец» посвящён анализу новеллы «Безумец» («Der Irre»). Это произведение, как и новелла «Джонатан», было написано Геймом в период с 1911 по 1912 год и вошло в посмертно изданный в 1913 году сборник новелл под названием «Вор» («Der Dieb»).

В «Безумце» следует отметить приём изначального вхождения в сферу сознания персонажа. В самом начале новеллы появляется отсылка к прошлому, находящемуся за границами текста. Прошлое подсказывает, что настоящее является последствием аффекта. Повествование изображается в мире аффективного символического формулирования. Аффективным оно становится в силу неадекватно заданного сознания, которое лежит в основе презентации истории. В новелле Гейма изображён мир сознания: не представляется возможным провести разграничительную линию между миром внешним, с людьми и вещами, и миром восприятия, чувств, воспоминаний.

Главный герой сопротивляется читательскому восприятию, согласно которому он является безумцем. Он себя таковым не считает. В тексте присутствует скрытая аллюзия к Декарту. Герой Гейма уподобляется философу в ограждающемся от безумия ироничном взгляде на «сумасбродов». Смысловая игра заключается в том, что герой заявляет о том, что он не безумен, тогда как читатель всё более утверждает в позиции определения героя как безумца. Отрицание даёт обратный эффект. Герой Гейма разоблачает не безумца, а собирательную фигуру человека, уверенного в том, что разум не даст безумию проникнуть в него. Тем самым в произведении присутствует полемика с рационализмом, а также утверждение того, что безумие может быть разумным и противопоставляться разумности в привычном её понимании.

Основной конфликт новеллы определяется сложным соотношением между телом и сознанием. На протяжении всего текста можно видеть, как главный герой борется со своим безумием, воспринимая его как нечто внешнее, приходящее к нему в виде искажённого восприятия других людей. В тексте присутствует символика, связанная с белым и чёрным цветами, светом и тьмой. Она включена в ряд смыслов, связанных с понятием сакрального и профанного, поэта и

черни, верха и низа. Прослеживается строгая, присутствующая на протяжении всего произведения, линия – противопоставление верха и низа. Безумец идентифицируется с верхом – лицо-луна, лицо-солнце, подсолнух, Кааба, парение над убитыми детьми, представление себя птицей, обрушение на стол в конце новеллы. Оппозиция верх/низ заключается в противоречии, заключённом в дихотомии свет/тьма. Тьма, с которой борется безумец, и которой он себя противопоставляет, находится в нём самом. Безумец, говоря языком Лакана, отвергает инвертированный образ своей сущности. Безумцу имманентна ошибка, которая является ошибкой тела (известно, что безумие часто определяется как ошибка). Тело имеет примат над сознанием, сознание не в силах «укротить» тело. Телесная ошибка первична, и влечёт за собой ошибку интеллектуальную.

Весь путь безумца – это символическое конституирование своего тела, которое происходит по негативному сценарию. В конце новеллы главный герой умирает, трепеща в блаженстве. Напряжение между личностным и социальным нивелируется. Умирание героя пробуждает в нём мудрость в осознании отсутствия противостояния нормальности и ненормальности.

Во втором параграфе «Джонатан», посвященном одноименной новелле Гейма («Jonathan») анализируются изображённые телесные и душевные муки главного героя – молодого человека, который после несчастного случая попал с переломанными ногами в больницу и впоследствии там умер.

Главными смысловыми комплексами в новелле являются «боль», «тело», «больница». Именно больное тело обладает большей способностью означивания связи человека с миром (объектным и интересубъективным) и самим собой. Боль является онтологической категорией. Больница приобретает семантическое расширение, представляет собой пространство страдающего Другого, того, кто разделяет с Джонатаном страдания.

Главным является то, что время и телесная боль сообщаются таким образом, что боль становится вечной, вневременной. Человеческое тело наделяется функцией высшей истины, заполняющей всё пространство внутри и вне жизненного мира. Крик главного героя в кровати, его приподнимание на руках,

сравнение обрубков ампутированных ног с божеством – всё это является образом возвеличивания боли, приданием ей сакрального смысла. Противостояние смерти сопряжено с упорством терпения боли. Отсюда специфика изображения смерти: всё представлено так, как будто Джонатан не умер. Он не может умереть, так как признал больное тело высшей правдой и единственным величием. Это возвеличивание боли мы также находим в сроках Франца Верфеля «В величественном гноище лежу / Дерьмом и кровью скрасив жизнь земную» (стихотворение «Умиравший в тюремном лазарете», пер. В. Топорова), которые вполне могут стать выражением экспрессионистского пафоса Гейма.

Новелла показывает, что иметь тело – значит познавать боль, в этом высшая правда и оправдание тела. В представлении Гейма, тело не может умереть, поэтому боль является вечной категорией, вечным состоянием. Иметь тело вечно значит вечно производить какой-то смысл, который указывает сам на себя. В «Джонатане» мы видим не работу сознания человека, у которого болит тело, но перманентное движение сознающего тела, порождающего сознание таким образом, что смысл уже не является только его достоянием. Неслучайно вечное умирание Джонатана представлено в движении тела в бесконечность.

Третья глава «Альфред Дёблин» посвящена анализу двух произведений Дёблина «Танцовщица и тело» (1910) и «Убийство одуванчика» (1910).

Первый параграф «Танцовщица и тело» посвящён анализу различных смысловых пластов в рассказе «Танцовщица и тело» («Die Tänzerin und der Leib»). Внедрение медицинских дискурсов (психоаналитических и психиатрических) в текст рассказа имеет целью создание культурных смыслов, отражающих процесс интеллектуальной рефлексии, самоинтерпретации эпохи. Эстетический смысл рассказа вытекает из игры психиатрических и психоаналитических смыслов.

Связь темы женского тела, танца, проблемы художественного творения и воли в рассказе раскрывается на концептуальном фоне модернистской эстетики. С позиций культурно-исторического анализа текст может рассматриваться как определённая пародия на культурный типаж декадентки и сложившийся к

тому времени литературный образ женщины. Дёблин устраняет этический, моральный аспект вопроса о женской телесности, который был характерен для эстетики Бодлера. Для него материальность женщины не является негативной характеристикой, наоборот, через материальность он стремится сделать женщину подходящей для новых художественных установок. Он старается обнажить животную сущность женщины, обозначая по ту сторону бинарных *femme fatale* и *femme fragile* новый тип женщины, который можно назвать *femme bestiale*.

Образ главной героини совмещает в себе две связанных друг с другом смысловых фигуры. Первой является фигура женщины как определённого биологического целого. Телесная, физиологическая основа этой фигуры дополняется культурной основой. Главенствующий здесь медицинский дискурс (показ героини в биологической и гендерной перспективе) взаимодействует с культурно-эстетическим (аллюзия к типичным образам женщины в западноевропейском искусстве конца XIX века). Взаимодействие телесного и культурного аспектов осуществляется и во второй фигуре – фигуре танцовщицы как определённого эстетического целого, где главенствовать начинает дискурс эстетики.

Альфред Дёблин определяет балет как холодное, бесполое и сухое нечувственное искусство, которое занимается порабощением тела волей. Балетный танец является отрицанием естественного телесного поведения, он направлен на «дрессировку» тела, то есть воля тела является подчиняемой. Дёблину ненавистна искусственная эстетизация тела. Истинный танец предполагает принятие тела, растворение в теле, танец осуществляется через тело, а не вопреки ему. Главное, что в нём осуществляется два типа знания, связанные друг с другом – биологическое и эстетико-поэтическое.

Случай Эллы является симптомом упадка искусства, символом трагического разрыва искусства и жизни, против которого выступает Дёблин. Искусство, оторванное от естественной телесности жизни, является противоестественным, отрицает потребности эпохи, нуждающейся в нахождении пульсации жизни в каждом явлении действительности и новых способах художественного выражения этой пульсации. В результате можно сделать вывод о том, что уве-

личение роли телесной семантики в литературе рубежа XIX-XX веков обосновано напряжённой творческой рефлексией о судьбах и целях художественности в условиях кардинальной смены характера научного знания, биологического и техногенного ритмов эпохи.

Во втором параграфе «Убийство одуванчика» анализируется один из самых знаменитых рассказов Дёблина «Убийство одуванчика» («Die Ermordung einer Butterblume»). Анализ выстраивается посредством рассмотрения смыслового потенциала заглавия рассказа, который располагается на трёх уровнях: аффект, атропоморфизация объектного мира, убийство на сексуальной почве.

Дёблин помещает героя в мир абсолютного безумия, эта всеохватность характеризует внутренний мир произведения. Как и в рассказе Г. Гейма «Безумец», аффект в «Убийстве одуванчика» заложен в до-истории. Причина нервного состояния Фишера лежит во временном пространстве, которое предшествует рассказываемому времени. В рассказе задаётся системность бреда. Эффект интерференции сознаний нарратора и персонажа размывает дихотомию повествуемого и изображаемого планов.

Антропоморфизация объектного мира имеет своим источником сознание персонажа, то есть функция антропоморфизации в данном случае заключается прежде всего в отображении человеческого сознания, а не особенностей организации пространства, передаче какого-либо кода (религиозного, культурно-исторического, мифологического) – остальные функции играют роль факультативных. Причина антропоморфизации кроется в поле психопатологии, что объясняется художественными установками Дёблина.

Экспликация смыслов отношения между Фишером и Еленой руководилась аппаратом психоанализа. Это оправдано тем, что Дёблин в этом рассказе, как и во многих своих ранних произведениях, отобразил не только психиатрические смыслы, но также и психоаналитические. Расширение семантики аффекта осуществляется также на таком уровне, как противоборство принципа удовольствия с принципом реальности. Агрессия Фишера являет собой попытку разрыва репрессивности действительности и высвобождения либидинозных сил. Он хо-

чет вернуться в дорепрессивные времена, времена без отца и господина. Для этого ему нужно пройти путь устранения отца. Здесь выявляется двойственность смысла убийства одуванчика – с одной стороны, это символ освобождения от социальных, моральных и сексуальных запретов; с другой стороны, это символ устранения отца. Одуванчик, которого «убивает» Фишер, может являться символом либо страстей Христовых, либо самого Христа, и тем самым характеризует действие Фишера как богоубийство и принятие на себя величайшего греха. Этим подтверждается следование Фишером по пути к высвобождению инстинктов.

Выявление христианского кода бесполезно – возникновение чувства вины имеет истоком архаическое событие убийства братьями отца и занятие его места. После убийства одуванчика психические конфликты Фишера идут следующим путём: он осознаёт свою вину, и одуванчик становится для него Богом. Одуванчик здесь олицетворяет собой Сверх-Я. Фишер проходит два этапа в борьбе с репрессивными силами. Первый этап – это всплеск деструктивных бессознательных интенций, второй – психологическая борьба с одуванчиком. Фишер целенаправленно пытается удалить одуванчик из области Сверх-Я. Лес – это пространство бессознательного и иррационального, которое поглощает его. Отчуждение Фишера не преодолевается. Высвобождение инстинктов происходит с отрицательным знаком. Несмотря на снятие границы между субъектом и объектом, ощущение страха растёт ещё больше.

Тело и сознание взаимодействуют в «Убийстве одуванчика» таким образом, что снятие границы между *res extensa* и *res cogito* оборачивается углублением чувства страха и неуверенности. Такая экстерииоризация сознания является в корне негативной, так как сознание обнимает мир не с итогом определённой гармонии, но приводит к усугублению отчуждения человека от мира. Если в романтизме цветок – это символ живой связи человека с миром (Новалис), норма романтического мировоззрения заключается в представлении о человеке как части природного мира, где цветы и деревья – его родственники, то у Дё-

блина эта норма ломается, история Фишера является извращением романтической мечты. В этом мире нет места любви, она получает форму перверсии.

Четвертая глава «Готфрид Бенн» посвящена анализу произведения Готфрида Бенна «Мозги» (1916). Новелла «Мозги» была включена в одноимённый сборник прозаических произведений Готфрида Бенна, вышедший в 1916 году. Сборник представляет собой цикл прозаических фрагментов, посвящённых доктору по имени Рённе, alter ego писателя. Новелла «Мозги», открывающая сборник, содержит в себе все смыслы, которые развиваются в последующих новеллах. Мотив мозгов появляется в каждой из пяти новелл, в них варьируются разные аспекты, которые затрагиваются в первой новелле.

Иррациональный контакт героя с миром, прочитывание мира героем осуществляется через погружение в телесные ощущения. При этом тело перестаёт ощущаться как своё, но, тем не менее, оно остаётся единственным способом создания новой иррациональной жизни. Тело становится предметом грёзы, теряет своё объективное значение. Одновременно с этим погружение в глубины образов и ассоциаций невозможно без помощи тела, только статус этого тела подобен статусу мозга: нельзя точно сказать, является ли ощущение конкретным проявлением телесной активности, или это всего лишь факт сознания. Отсутствие тела – это факт сомнения Рённе, но в самих новеллах мы встречаем противоречивый характер этого отсутствия. Реальность, тело – эти понятия релятивизируются, но приобретают особый, непривычный смысл. Рённе отказывается от тела, символизирующего разум, он отвергает разумное тело, тело как объект мысли, осмысленного наслаждения или боли.

Двойственность мозга как абстракции (ум, разум) и как конкретной физиологической и неврологической данности проявляется во всех текстах сборника. Новая жизнь Рённе проявляется на стыке реальности (телесный контакт или телесное напряжение, раздражение) и грёзы (представление о теле). Ряд фрагментов из других новелл подтверждает значение мозга как одновременно телесного и образного проводника в мир.

Бенн сделал акцент на тайне, скрывающейся в человеческом мозге, на том иррациональном, что присутствует в человеческой жизни. Деля жизнь человека на рациональную, неистинную, основанную на позитивистских принципах и логике, и иррациональную, подлинную тайную жизнь, что дремлет глубоко внутри человеческого естества, Бенн использует конкретный вещественный образ мозга, чтобы сделать эту дистинкцию одновременно наглядной и подчёркивающей не абстрактные отвлечённо-понятийные основы разделения, но его телесную детерминированность.

Вопросы телесности Бенн воспринимал только в тесной связи с художественным творчеством. Позиция творца содержится в эпиграфе – это позиция человека с индивидуальной историей, не боящегося и даже жаждущего случайности, антисистемности. В лице Рённе можно видеть борца с логикой высказывания. С этой логикой вели «войну» многие экспрессионисты. Свобода, к которой стремится Рённе, реализуется в свободном запечатлении образов. Визуальные образы не продиктованы устоявшейся языковой формой, они учреждают новые возможности языка, а не просто увязываются с выработанной системой вербализации. Подлинный творческий процесс имеет опору и начало не в языке как надындивидуальной системе, а в образах и свободных ассоциациях. Последние вырывают человека из оков собственной самосознающей индивидуальности, пролагают тропу в область сверхиндивидуального.

Бенн обрисовывает нужный в условиях тотального сомнения путь для человека нового времени – иррационализация. Погружение в скрытый мир, содержащийся в человеческом мозге, основывается на вчувствовании в тело. Иррациональность, к которой призывает Бенн, всецело содержится в человеческом теле, поэтому путь Рённе не является приключением только сознания, Рённе идёт по направлению к бесконечному познанию иррациональности телесного бытия в мире.

В **заключении** подводятся итоги проведенного исследования и делаются следующие выводы. Представление о телесности человека является важнейшим для художественного стиля экспрессионизма. Экспрессионисты признавали

противоречивость телесной жизни человека, стремились обнажить эту противоречивость, изобразить её в ситуациях столкновения сознания человека, его «Я» с телом, статус которого колеблется между субъектом и объектом – тем, что является частью «Я» и тем, что ему противостоит.

Художественный мир произведений Альфреда Дёблина, Георга Гейма и Готфрида Бенна основывается на таких отношениях внутреннего и внешнего, при которых сознание персонажа, взятое в своей психосоматической конкретике, распространяется по всей ткани текста. Отказываясь от психологической объясняющей установки, они минимизируют присутствие нарратора, позволяя главенствовать сознанию персонажа. Основное событие в их произведениях – это столкновение человеческого сознания с собственной телесностью. Это событие служит у авторов разным художественным целям.

У Георга Гейма тело является трагической данностью. Телесность – это способ существования мира. Даже неживая материя приобретает у Гейма тревожную витальную силу. Тело для Гейма является злом. Оно объединяет человека со страдающим миром, характер этого объединения трагичен. Сознание при этом является страдающим сознанием, приобретая телесные качества. Гейм рисует два разных варианта завершения человеческой судьбы. Согласно первому, выраженному в новелле «Безумец», сознание освобождается от страдания после смерти тела, все противоречия снимаются. Второй вариант, представленный в новелле «Джонатан», окрашен глубоким трагизмом. Страдание даже после смерти тела остаётся. Гейм изображает универсальность, метафизическую сущность страдания, полемизируя с христианскими представлениями о спасении.

Альфред Дёблин в рассказах «Убийство одуванчика» и «Танцовщица и тело» ставит задачей изобразить роковую важность биологической жизни человека. При этом автор не позволяет себе вульгаризации проблемы. Искусно используя в текстах медицинские дискурсы своей эпохи, он показывает самостоятельность темы тела в художественном произведении. Дёблин стремится изобразить полноту жизни, чистую действительность, без внесения в неё рефлекс-

сии. Ему позволяет это сделать, во-первых, отказ от психологизма, во-вторых, акцент на чистом движении, телесных реакциях, напряжении. Телесные проявления жизни человека и представляют для Дёблина действительность. Как и у Гейма, телесность у Дёблина представлена в трагических тонах. Однако Дёблин не считает, что тело это зло. Писатель пытается показать, что сознание не должно дистанцироваться от тела, оно должно принимать его. Разлад между сознанием и телесностью, автономизация сознания, отказ от желаний приводит к трагическим последствиям. Оно усиливает отчуждение, приводя человека к краху, смерти. В проблеме отчуждения Дёблин переносит акцент с отношения человека и мира на разлад человека с самим собой.

У Готфрида Бенна событие столкновения человеческого «Я» с телесностью окрашено глубокой рефлексией. Писателя интересует поиск иррациональности в жизни, так как рациональный подход к событиям делает мир мёртвым, искусственным, он лишает его витальных импульсов. Иррациональность устраняет присущее действию рассудка разделение мира на то, что происходит с человеком и то, что происходит не с ним. Эту иррациональность Бенн находит в человеческом теле. Он отказывает сознанию в автономном существовании, окрашивает любое умственное усилие проявлением соматической природы человеческого мышления. Отчуждение человека от мира исчезает в воображении, в глубинах архетипической памяти. Бенн призывает к уничтожению субъективности, индивидуальности. Тем самым разрушается существование мира как некоего пространства, которое осмысляется индивидуальностью. Телесное желание, человеческий мозг для Бенна являются источниками неожиданных, непредсказуемых событий, которые не являются более событиями индивидуальными. Непредсказуемость, необъяснимость, безыдивидуальность событий является материалом художественного творчества.

Художественный мир проанализированных произведений обнажает сердцевину экспрессионистского мироощущения. Трагическое в своей основе восприятие конфликта человеческой телесности может преодолеваться через осоз-

вание сущности человеческой жизни – витального импульса, обнажающего правду телесного существования человека в мире.

Содержание диссертации отражено в следующих **публикациях**:

Публикации в журналах, рекомендованных ВАК:

1. *Порунцов В.А.* Семантика тела в новелле Георга Гейма «Безумец» / В.А. Порунцов // Вестник ЛГУ им. А.И. Пушкина. – 2014. – № 3 (Том 1). – С. 84-93 (0,7 п.л.).

URL: <http://lengu.ru/pages/izdaniya-lgu-im-aspushkina/vestnik-lgu-imeni-a-s-pushkina/seriya-filologiya.php>

2. *Порунцов В.А.* «Убийство одуванчика» Альфреда Дёблина: опыт перитекстуального анализа / В.А. Порунцов // Казанская наука. – 2014. – №11. – С. 151-157 (0,7 п.л.).

URL: http://www.kazanscience.ru/files/Kazan_Science_11_2014.php

3. *Порунцов В.А.* Эстетика и медицина: взаимодействие дискурсов в рассказе Альфреда Дёблина «Танцовщица и тело» / В.А. Порунцов // Вестник ННГУ. – 2015. – №2. – С. 183-189 (0,7 п.л.).

URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2015_-_2_unicode/31.pdf

Другие публикации:

4. *Порунцов В.А.* Образы детей в рассказе Георга Гейма «Безумец» / В.А. Порунцов // Зарубежная детская литература: поэтика и история. Вып. 4. – СПб.: Лема, 2009. – С. 98-100 (0,2 п.л.).

5. *Порунцов В.А.* Рассказы о сумасшедших и поэтика немецкого экспрессионизма / В.А. Порунцов // XXII Пуришевские чтения. История идей в жанровой истории. – М.: МПГУ, 2010. – С. 173-174 (0,1 п.л.).

6. *Порунцов В.А.* Проблема индивидуальной истории в произведении Г. Бенна «Мозги» / В.А. Порунцов // Актуальные вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы третьей между-

- народной научно-практической конференции. Том 2. – СПб.: Государственная полярная академия, 2011. – С. 160-165 (0,4 п.л.).
7. *Порунцов В.А.* Организующая функция категории «телесность» в малой прозе немецкого экспрессионизма / В.А. Порунцов // Чтение: рецепция и интерпретация: сб. науч. ст. Ч.1. – Гродно: ГрГУ, 2011. – С. 183-190 (0,5 п.л.).
8. *Порунцов В.А.* Новелла Г. Гейма «Джонатан»: опыт умирания / В.А. Порунцов // Межлитературные связи: общее и особенное: материалы межвузовской научной конференции в РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб.: Лема, 2011. – С. 64-66 (0,2 п.л.).
9. *Порунцов В.А.* Тема потери памяти в малой прозе немецкого экспрессионизма / В.А. Порунцов // Учёные записки. Т.19. Современные проблемы филологии, межкультурной коммуникации и перевода. – СПб.: СПбИ-ВЭСЭЦ, 2012. – С.80-88 (0,6 п.л.).
10. *Порунцов В.А.* Немецкий литературный экспрессионизм и проблема насилия / В.А. Порунцов // Зарубежная литература в университетском образовании: материалы межвузовской научной конференции в РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб.: Лема, 2012. – С. 100-103 (0,2 п.л.).